

Шестой изданіе.

АВГУСТЪ.

№ 19.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ САДУ (стих.).

АНЮТА.

ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ

ИРЕНЫ (повѣсть).

ЛѢТОМЪ (стих.).

ЗВУКИ МОРЯ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Омнибусъ (автобусъ)—для склеиванія.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

OF

CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

OF

CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

OF

CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Фрукты поспѣли!

ВЪ САДУ.

Затянуть душистымъ горошкомъ,
 Пестрѣть плетень предо мной,
 Иду по песчанымъ дорожкамъ,
 Обвитымъ цвѣточной каймой.
 Отъ желтой настурціи сладкій
 Несется кругомъ аромать
 И стройные маки вдоль грядки,
 Какъ красные флаги стоятъ.
 Сквозь вѣтки кленовой аллеи
 Блестящій виднѣется прудъ
 И, ярко вдали зеленѣя,
 Сверкаетъ луговъ изумрудъ.
 Пчела надъ душистымъ горошкомъ
 Кружится, садясь на цвѣты.
 Какъ сладко ходить по дорожкамъ!
 Какъ солнцемъ поля облиты!

Е. Оберучева.

А Н Ю Т А.

Шла женщина съ ребенкомъ, утомилась, упала и лишилась чувствъ. Было холодно, и уже спустилась ранняя зимняя ночь и нигдѣ кругомъ не виднѣлось огонька, который указывалъ-бы на то, что поблизости есть жилище человѣка. Эта женщина была вдова, она изъ города въ городъ на заработокъ, но слабое здравіе, недоѣданіе и усталость сдѣлали свое дѣло, и она свалилась.

„Только-бы не замерзла Анюта“, подумала она, лишаясь чувствъ.

А какъ разъ тутъ-же, невдалекѣ, находилась избушка, и въ ней жилъ одинокій мѣщанинъ Егоръ Петровичъ пришедшій изъ города и поселившійся здѣсь, какъ отшельникъ. Въ избушкѣ въ то время не было огня, и густой кустарникъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. Кто былъ этотъ Егоръ Петровичъ—не зналъ никто. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, мрачно смотрѣлъ исподлобья, и по сосѣдству долго рассказывали о немъ разныя выдумки, а затѣмъ утомились и

смокли. Онъ никогда не жаловался, не вздыхалъ при людяхъ и только, ложась спать, часто долго просиживалъ на кровати, о чемъ-то думалъ и глубоко вздыхалъ.

— Ахъ, Иванъ, Иванъ!.. говорилъ онъ.—На кого ты оставилъ меня одного!

Этотъ Иванъ былъ его сынъ. Четыре года тому назадъ онъ отправился искать счастья куда-то далеко къ морю, женился на чужбинѣ, тамъ у него родилась дочь Анюта, и они зажили-бы недурно, если-бы къ Ивану не подкралась болѣзнь. Онъ заболѣлъ тифомъ и умеръ въ три недѣли. Его вдова съ маленькой Анютой остались однѣ и безъ средствъ.

— Выслушай меня, Ольга, обратился онъ къ женѣ передъ самой смертью. — Я умираю, но ты не должна оставаться здѣсь безъ меня. Возьми нашу Анюту и поѣзжай ко мнѣ на родину, къ моему отцу. Онъ любилъ меня и не оставитъ васъ безъ хлѣба.

Ольга распродала всѣ свои вещи, взяла Анюту и отправилась на сѣверъ къ старику Егору Петровичу. Но онъ уже переселился въ деревню и сталъ жить тамъ отшельникомъ среди поля одинъ. — Никто въ городѣ не зналъ, куда онъ удалился и вернется-ли назадъ. Узнавъ откуда-то о смерти сына, онъ пришелъ въ такое отчаяніе, что долго не могъ придти себя и плакалъ и стоналъ,

какъ женщина. Не найдя его, Ольга ужаснулась. Все, что она имѣла, было уже потрачено на дорогу. Тогда она стала искать себѣ работы. Но никто не нанималъ ее съ ребенкомъ, а она не могла разстаться со своей Анютой, и начались тяжелые, унылые дни. Больная, голодная, она исполняла то тамъ, то здѣсь кое-какія несложныя работы и перебивалась изо дня въ день. А затѣмъ наступила зима и прибавился еще холодъ, биться съ которымъ ей, дальней южанкѣ, оказалось не подъ силу.

— Боже мой, что дѣлать? ужасалась она. Что дѣлать?

И ей посовѣтовали:—

— Отправься въ сосѣдній городъ! Тамъ фабрики и заводы! Тамъ ты всегда найдешь себѣ заработокъ! А у насъ здѣсь что? Только сидимъ, да таракановъ ловимъ! Одна лавка, да другая—вотъ и вся наша торговля!

Она послушалась, взяла Анюту на руки и пошла пѣшкомъ въ сосѣдній городъ.

Было холодно, лежалъ глубокій снѣгъ, и дулъ рѣзкій, вѣтрѣный вѣтеръ. Она бодро шла, пока было свѣтло, а когда стемнѣло, она стала устать и наконецъ сбилась съ пути. Долго бродила она по глубокому снѣгу, а затѣмъ выбилась изъ силъ и упала.

Егоръ Петровичъ никогда не запиралъ за собой дверей, когда куда-нибудь уходилъ. Въ этотъ ве-

черъ ему какъ-то особенно было скучно. Онъ затопилъ печь, зажегъ лампочку и еще долго просидѣлъ у стола одинъ, читая священную исторію. Но она уже не развлекала его. Мысли его были далеки, и онъ думалъ только объ одномъ: о сынѣ.

— „Пойти прогуляться, что-ли“... подумалъ онъ.

И, взявъ палку, онъ вышелъ изъ избушки и побрелъ по широкой, снѣжной, однообразной равнинѣ. Кругомъ не было ни огонька. Только въ одной его избушкѣ сквозь голыя вѣтки кустарника свѣтилась лампочка. Онъ не потушилъ ее, но это ничего. Все равно онъ скоро вернется назадъ. И, дѣйствительно, онъ скоро вернулся.

— Эхъ, Иванъ, Иванъ! вздохнулъ онъ.—Зачѣмъ ты меня оставилъ одного?

Но когда онъ былъ уже недалеко отъ своей избушки, то увидалъ въ сторонѣ трехъ мужиковъ, которые несли что-то тяжелое. Въ темнотѣ нельзя было разобрать, что именно они несли, и Егору Петровичу показалось, что это были дровосѣки, запозднившіеся въ лѣсу и несшіе домой колоду.

„Развѣ помочь имъ?“ мелькнуло въ головѣ у Егора Петровича.

Но немощи уже давно одолѣвали его, онъ зналъ, что много не поможетъ, и отправился къ себѣ.

Онъ вошелъ, снялъ съ себя тулупъ и повѣсилъ на гвоздикъ. Гулянье не развлекло его.

И вдругъ онъ увидалъ среди пола какой-то комочекъ. Сердце его дрогнуло.

Въ первую минуту онъ даже растерялся и не могъ двинуть рукой, чтобы потрогать этотъ комочекъ. Въ крайнемъ изумленіи онъ опустился на колѣни и нагнулся, чтобы его лучше рассмотреть. Этотъ комочекъ оказался спавшимъ ребенкомъ со свѣтлыми, желтоватыми волосками и розовыми пухленькими щеками.

— Что за диковина? удивился старикъ.

Онъ всталъ, поковырялъ въ печкѣ полѣнья, и они съ трескомъ запылали ярче. Стало еще свѣтлѣе, но отъ этого видѣніе не разсѣялось. Наоборотъ, оно стало еще яснѣе. На полу все еще продолжалъ крѣпко спать ребенокъ въ жалкихъ лохмотьяхъ и въ совершенно-мокрыхъ башмакахъ. Необыкновенныя теплота и нѣжность вдругъ наполнили сердце старика.

— Это мнѣ послалъ самъ Господь!.. сказалъ онъ вдругъ и перекрестился, не зная, брать ли его съ полу, разбудить-ли его, или оставить его тутъ-же лежать до утра.

Но прошло десять минутъ, и ребенокъ пробудился. Послышался его плачь, отъ котораго у Егора Петровича радостно шевельнулось что-то въ груди. Старикъ взялъ его на руки, поднялся съ нимъ и подошелъ къ столу. Ребенокъ об-

хватилъ его ручками за шею и сталъ плакать такъ громко, какъ обыкновенно плачуть маленькія дѣти, когда хотятъ ѣсть или увидѣли страшный сонъ.

— Мама! Мама! кричалъ ребенокъ.

Старикъ улыбнулся, прижалъ его нѣжно къ груди и вдругъ запѣлъ. Онъ не слышалъ своего голоса уже двадцать слишкомъ лѣтъ, и этотъ тоненькій, старческій, разбитый голосокъ теперь уже не показался ему страннымъ.

— Баю, баюшки, баю... запѣлъ онъ и заходилъ съ ребенкомъ по избушкѣ.

Дѣвочка не понимала. Въ этотъ вечеръ ему было съ нею много хлопотъ. Какъ нѣжная мать, какъ самая преданная нянька, онъ возился съ нею, старался ее утѣшить, но неумѣние обращаться съ ребенкомъ, незнаніе, за что взяться, раздѣть или одѣть, уложить или носить на рукахъ—оказывали ему плохую услугу. Но ему было пріятно, что онъ былъ теперь не одинъ, и хотѣлось, чтобы ребенокъ не засыпалъ подольше и кричалъ, потому что этотъ дѣтскій крикъ согрѣвалъ его душу и напоминалъ ему о тѣхъ былыхъ дняхъ, когда еще былъ ребенкомъ его Иванъ. Но ребенка все-таки необходимо было унять, и онъ распустилъ въ водѣ сахару и далъ ему выпить. Повидимому, дѣвочка только этого и ждала. Она тотчасъ-же пере-

стала плакать и стала большими, удивленными глазами смотрѣть на старика. Затѣмъ она сползла съ его колѣней и такъ быстро и въ то же время неувѣренно пошла по комнатѣ, что онъ испугался за нее и пошелъ слѣдомъ за нею, чтобы во время поддержать ее, если она захочетъ падать. Но она добѣжала до печки, сѣла передъ нею на полъ и стала съ сопѣніемъ стягивать съ себя намокшія башмакъ. Не сладивъ съ нимъ, она опять стала плакать. Онъ снова посадилъ ее къ себѣ на колѣни и долго провозился надъ ея башмаками. Почувствовавъ себя босячкомъ, дѣвочка засмѣялась и забѣгала по комнатѣ.

— Но почему-же у нея такъ мокры башмаки? задалъ старикъ себѣ вопросъ.—Значить, она пришла ко мнѣ по снѣгу?

Это возвратило его къ дѣйствительной жизни. До сихъ поръ все было для него точно въ сказкѣ или во снѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ эта дѣвочка могла попасть къ нему, когда онъ жилъ въ сторонѣ отъ дороги и неизвѣстный никому? Кто она? Откуда она шла и съ кѣмъ? Подкинулъ-ли ее кто-нибудь къ нему, или быть можетъ она убѣжала отъ кого-нибудь и забралась къ нему случайно?

И, полный охватившей его тревоги, онъ схватилъ дѣвочку на руки и вышелъ съ нею на воздухъ. Она тотчасъ-же рванулась впередъ,

но онъ не пустилъ ее и еще тѣснѣе прижалъ ее къ себѣ.

— Мама! жалобно простонала дѣвочка.—Мама!

Повидимому, ей шель только второй годъ, потому что она только начинала говорить и ходила неуверенной походкой.

— Мама! вновь простонала она и протянула ручки впередъ въ темноту.

Старикъ нагнулся и увидѣлъ на снѣгу маленькіе слѣды. Онъ пошелъ по нимъ и вскорѣ добрелъ до того мѣста, гдѣ свалилась безъ чувствъ Ольга. Теперь ея уже здѣсь не было и только видны были примятый подъ тѣломъ снѣгъ и слѣды трехъ мужиковъ въ валенкахъ, которые, какъ показалось тогда Егору Петровичу, тащили изъ лѣса колоду. Но было уже темно, ничего нельзя было разобрать и старикъ поплелся обратно къ себѣ домой. Ему хотѣлось, чтобы этотъ ребенокъ былъ подкидышемъ и остался у него навсегда.

— Навѣрное, мать бросила эту дѣвочку именно тамъ, гдѣ много слѣдовъ, говорилъ онъ самъ себѣ.— Дѣвочка увидала свѣтившійся у меня огонекъ и пошла на него, когда я уходилъ гулять. Согрѣтая тепломъ отъ печки, она заснула прямо на полу—вотъ и все.

Возвратясь домой, онъ раздѣлъ ее, раздѣлся самъ и улегся спать. Она прижалась къ его старческой груди и что-то странное, новое,

невѣдомое наполнило вдругъ его душу.

Вдругъ она шевельнулась, поднялась и сѣла на колѣнки.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ ее.

— Аня... отвѣтила она, опять припала къ нему и вновь крѣпко заснула.

Цѣлую недѣлю никто не зналъ, что у отшельника Егора появилась дѣвочка. А когда онъ пришелъ съ нею въ село, къ обѣднѣ, и знавшіе его крестьяне заговорили о томъ, что ее слѣдовало-бы отдать въ Воспитательный домъ или въ пріютъ, то онъ возмутился противъ этого всѣмъ своимъ существомъ. Самая мысль о томъ, что бы разстаться съ Анютой, казалось ему странной, а такъ какъ никто не оспаривалъ у него этой дѣвочки и никто не отбиралъ ее себѣ, то всѣ такъ и рѣшили, что она должна принадлежать ему. Онъ побывалъ у священника и у становаго и хотя и тотъ и другой упоминали о какой-то женщинѣ, которую гдѣ-то, недалеко отъ его избышки, подобрали на снѣгу три мужика и отправили въ земскую больницу, но эти ихъ слова скользнули какъ-то мимо его ушей и онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія.

— Пусть говорятъ себѣ, что хотятъ! рѣшилъ онъ.—Она моя и я не отдамъ ее никому!

Но Анюту нужно было одѣть и

обуть, а онъ не зналъ, какъ это нужно было сдѣлать. И онъ обратился къ попадѣ.

— Ужъ вы, матушка, не оставьте... сказалъ онъ.—Ужъ научите меня, какъ и что... Гдѣ что купить и прочее...

Попадѣ и самой нравилось, что онъ, такой одинокій старикъ, и вдругъ пріютилъ у себя ребенка. Она отправилась къ себѣ въ кладовую, достала оттуда цѣлый узелъ разныхъ дѣтскихъ вещей и вынесла его къ Егору Петровичу.

— Какъ все покупать, сказала она,—такъ на это и денегъ не хватить. Вотъ возьми-ка себѣ этотъ узелокъ. Въ немъ все, что осталось отъ моей покойной Дашеньки.

Егоръ Петровичъ взялъ Дашенькинъ узелокъ и понесъ къ себѣ домой. Тамъ оказались рубашечки, штанишки, платица и башмаки. Было и стеганное на ватѣ пальтецо, отъ котораго пахло сыростью и листовымъ табакомъ. Теперь Аня была обезпечена одеждой надолго.

На слѣдующій день къ Егору Петровичу неожиданно пріѣхала сама матушка, согрѣла воды и, вооружившись мыломъ и полотенцемъ, выкупала въ корытѣ Аня. Это понравилось и дѣвчкѣ, и старику. Но больше всего старику. Онъ стоялъ тутъ-же, около корыта, улыбался и ему казалось, что попадѣ вотъ-вотъ ошпарить дѣвочку

кипяткомъ, или-же неосторожно вывихнетъ ей ручку.

— Тише, тихонько! то и дѣло повторялъ онъ.—Да нельзя-же, матушка, такъ обращаться съ дитятей! Вѣдь оно хрупкое!.. Этакъ дитятю можно и задавить!..

Но она не слушала его и дѣлала свое дѣло. Полчаса спустя, дѣвочка уже сидѣла, бѣленькая и чистенькая, во всемъ то же бѣломъ и чистомъ, у матушки на колѣняхъ и весело хлопала въ ладоши.

— Ладушки, ладушки, гдѣ были,—у бабушки! напѣвала попадѣя.—Бражку попили, кашку поѣли...

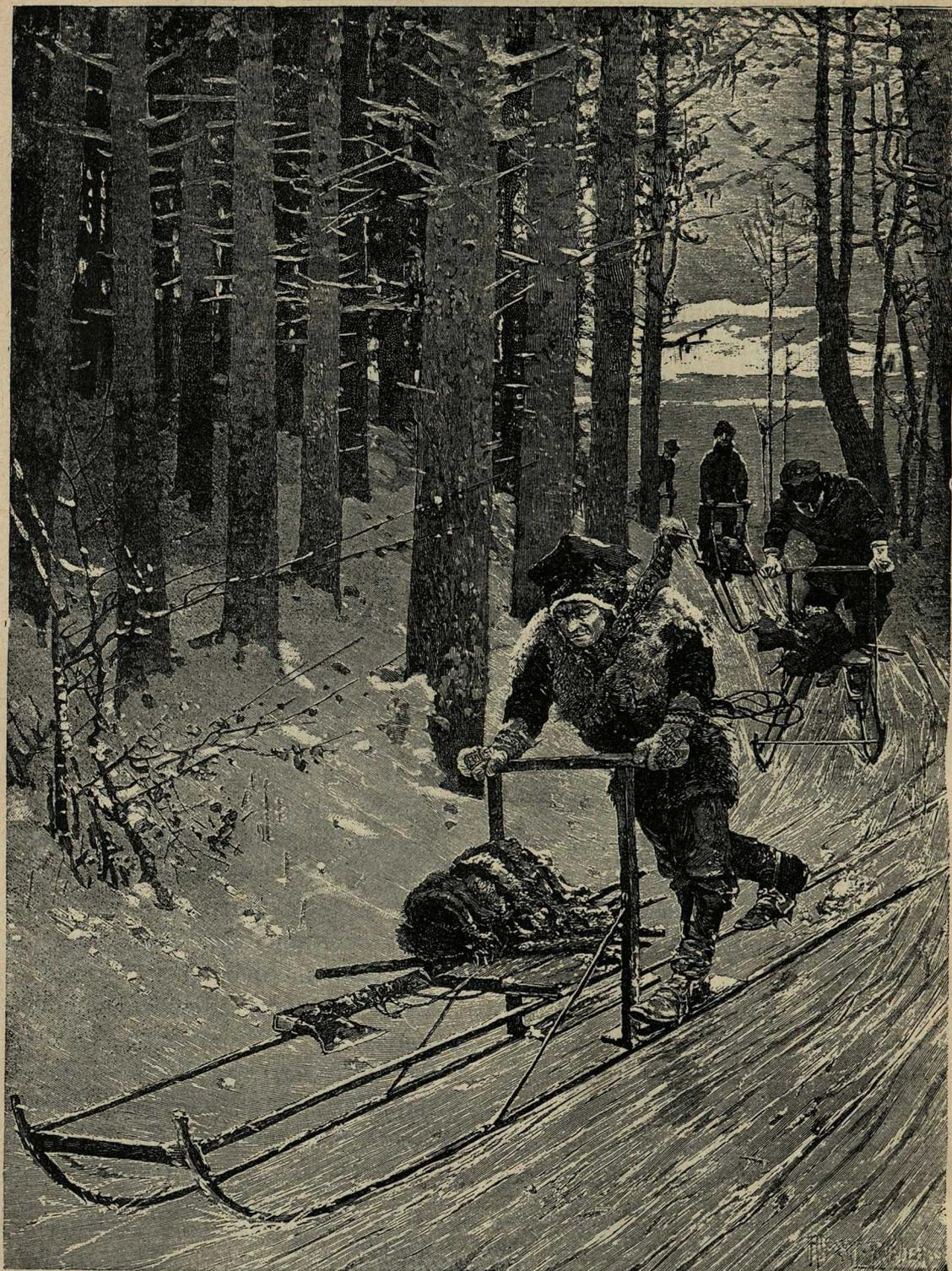
И старику казалось, что въ образѣ Ани къ нему въ хижину слетѣлъ ангелъ, который наполнилъ счастьемъ всю его одинокую, унылую жизнь. И точно въ отвѣтъ на его мысли, попадѣя подняла высоко Аня и сказала:—

— Ну, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ ангелочекъ! Такія-же кудряшки, какъ у ангелочка. Не достаетъ только крылышекъ, а то такъ бы и улетѣла на небо!

Старикъ испугался и перекрестился.

— Что вы, матушка? сказалъ онъ.—Зачѣмъ ей улетать на небо? Пускай себѣ живетъ на землѣ и растеть! А улетѣть на небо успѣетъ и въ старости!.. Благослови ее, Господь!

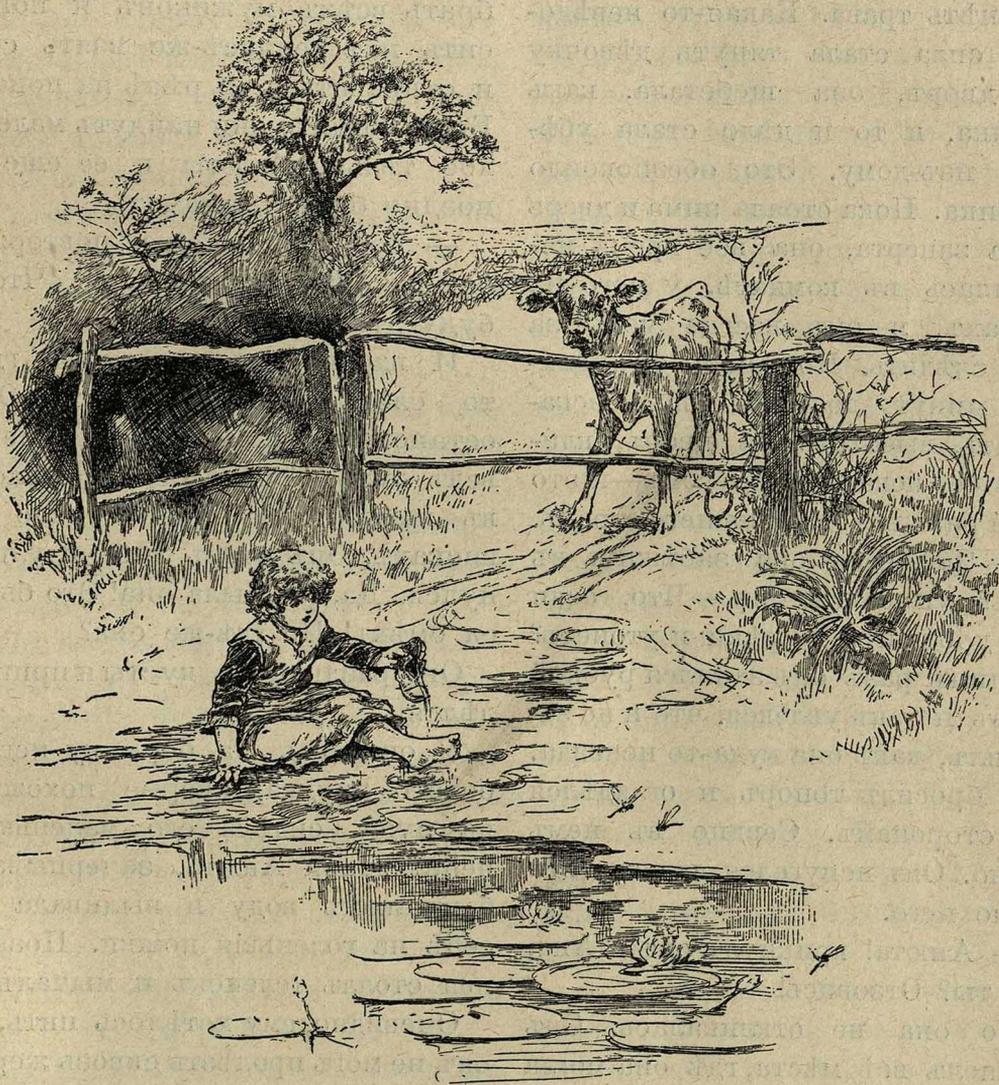
Съ тѣхъ поръ матушка стала приходитъ къ Егору Петровичу

Въ Сѣверной Норвегіи.

каждую недѣлю и наводить въ его домъ порядокъ. И, видя, какъ дѣвочка радовалась ей и какъ обвиняла ее шею рукой, онъ всякій

— Благодарю васъ, матушка, говорилъ онъ.—Напрасно вы беспокоитесь и приходите такъ далеко... Я и самъ все сумѣю сдѣлать...

— Иди сюда! — кричала телянку Анюта и звонко смѣялась.—Иди, попей изъ башмачка!

разъ хмурился и испытывалъ какое-то смутное чувство ревности, боясь, какъ бы дѣвочка не привыкла къ кому-нибудь другому больше, чѣмъ къ нему.

Я научусь! Я научусь!

— Ну, гдѣ вамъ, мужчинамъ, управиться съ ребятами! возражала ему попадья.—Это не ваше мужское дѣло.

И старикъ дѣйствительно, скоро убѣдился, что это было не мужское дѣло. Настала весна, потекли ручьи, прилетѣли птицы и стала зеленѣть трава. Какая-то невѣдомая сила стала тянуть дѣвочку на дворъ, она щебетала, какъ птичка, и то и дѣло стала убѣгать изъ-дому. Это обезпокоило старика. Пока стояла зима и дверь была заперта, она все время находилась въ комнатѣ, у него на глазахъ, и онъ всегда могъ за нею слѣдить. Но теперь онъ каждую минуту долженъ былъ вскакивать, выбѣгать на дворъ, кликать ее, искать ее кругомъ—и это иной разъ наводило на него страхъ.

— Что, если она забѣжитъ въ лѣсъ? ужасался онъ.—Что, если она добѣжитъ до рѣки и утонетъ?

Одинъ разъ онъ занялся рубкой дровъ и такъ увлекся, что и не замѣтилъ, какъ она куда-то исчезла. Онъ бросилъ топоръ и оглядѣлся по сторонамъ. Сердце въ немъ упало. Онъ испугался, что ея нѣтъ около него.

— Анюта! крикнулъ онъ.—Аня, гдѣ ты? Отзовись!

Но она не откликнулась. Онъ обошелъ всѣ мѣста, гдѣ она могла быть, но ея нигдѣ не оказалось.

— Аня, Аня! Анюта! кричалъ онъ.—Да отзовись-же, ради Бога, гдѣ ты?

Онъ добѣжалъ до лѣса, прибѣжалъ къ рѣкѣ и ему даже показалось, что онъ замѣтилъ на тинѣ,

у самой воды ея маленькіе слѣды. Это ужаснуло его. Неужели она утонула? И не помня себя, онъ побѣжалъ къ деревнѣ, чтобы собрать всѣхъ мужиковъ и попросить ихъ сейчасъ-же взять съѣти и отправиться къ рѣкѣ на поиски. Быть можетъ, они найдутъ маленькое тѣльце Анюты и ее еще не поздно будетъ откачать.

— Господи, спаси ее! повторялъ онъ на бѣгу.—Помоги ей! Что я буду дѣлать безъ нея?

И вдругъ онъ услышалъ гдѣ-то слѣва веселый смѣхъ. Онъ остановился, прислушался и перевелъ духъ. Сердце все еще билось въ немъ и все еще стучало въ вискахъ. Онъ отеръ лобъ и улыбнулся. Да, это была она! Это была ея смѣхъ! Но гдѣ-же она?

Онъ раздвинулъ кусты и приглядедѣлся.

У околицы, на бережку неглубокаго прудка, скорѣе похожаго на лужу, сидѣла его маленькая, ненаглядная Анюта, зачерпывала башмакомъ воду и выливала ее себѣ на голенькія ножки. Позади нея стоялъ теленокъ и мычалъ.

Очевидно, ему хотѣлось пить, но онъ не могъ пролѣзть сквозь жерди околицы и добраться до лужи.

— Иди сюда! кричала ему Анюта и звонко смѣялась.—Иди, попей изъ башмачка!

Старикъ побѣжалъ къ ней, схватилъ ее съ земли, и крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

— Ну, можно-ли убѣгать такъ далеко отъ дома? съ ласковою строгостью обратился онъ къ ней.— Можно-ли такъ пугать своего дѣду?

Но она откинула курчавую головку назадъ и залилась веселымъ, серебристымъ смѣхомъ. Онъ еще тѣснѣе прижалъ ее къ себѣ и отправился съ ней къ дому.

Дома онъ засталъ матушку. Она уже давно ожидала его.

— Гулять ходили? спросила она его, увидѣвъ, какъ онъ весь покраснѣлъ и вспотѣлъ.

Онъ рассказалъ ей все. Она сдѣлала серьезное лицо и дѣловито сказала:—

— Надо наказывать, Петровичъ.—Безъ наказанія въ воспитаніи дѣтей не обойтись!

Но самая мысль о наказаніи казалась ему странной и несправедливой. Развѣ можно было касаться дѣтей, которые были такъ похожи на святыхъ ангеловъ и такъ много приносили людямъ счастья? Нѣтъ, нѣтъ! Что бы ни случилось, какъ-бы не досадила ему Анюта, онъ никогда не позволить себѣ сдѣлать ей больно или отвѣтить ей зломъ на зло.

— Нѣтъ, матушка, отвѣтилъ онъ попадѣ.—Воля ваша, а бить дитятю я не могу!

— Да зачѣмъ-же ребенка бить? ужаснулась и матушка.—Это грѣхъ! А вотъ запереть его въ чуланъ или посадить его въ мѣшокъ изъ подъ угля—это бываетъ иной разъ

даже очень полезно! А безъ наказанія въ воспитаніи дѣтей не обойтись!

И старикъ только два раза примѣнилъ этотъ ея совѣтъ къ дѣлу. Въ первый разъ Анюта стащила со стола ножницы и изрѣзала ими весь свой передникъ. Онъ разсердился и посадилъ ее въ темный чуланъ. Она посмотрѣла на него большими, удивленными глазами, когда онъ ее туда сажалъ, но когда онъ отперъ черезъ десять минутъ чуланъ и заглянулъ въ него, то она тамъ такъ сладко спала, подложивъ ручку подъ щечку, что вся эта мѣра наказанія показалась ему ничтожной и пустой. Стоило сажать ребенка въ чуланъ, когда онъ даже и не понималъ, за что его туда сажали!

Въ другой разъ Анюта отвернула въ лампѣ огонь такъ, что все въ избушкѣ покрылось толстымъ слоемъ копоти. Придя со двора въ избушку, Егоръ Петровичъ изумился той чернотѣ, которая покрыла все въ какія-нибудь пять минутъ.

— Нехорошо, Аня, нехорошо! заворчалъ онъ на нее.—За это я посажу тебя въ мѣшокъ изъ-подъ угля!

Она и безъ того была вся черна отъ копоти и, чтобы ее наказать, онъ дѣйствительно посадилъ ее въ угольный мѣшокъ. Отъ этого она не стала чернѣе. Затѣмъ пришла матушка, помыла ее въ

корытѣ, одѣла во все чистое, уложила ее спать и все вытерла въ избушкѣ. Старикъ не зналъ, какъ ее благодарить.

— Это я не для тебя, Петровичъ, просто отвѣтила ему попадья.— Это я для твоей Анютки. Если-бы у меня не умерла моя Дашенька, то я, по правдѣ сказать, и не заглянула бы къ тебѣ! А тутъ, какъ погляжу на твою дѣвочку, такъ и вспомню свою Дашу.

И она прослезилась, утерла слезы кончиками платка и пошла къ себѣ домой, несмотря на то, что жила отъ старика за пять верстѣ.

На слѣдующій день былъ праздникъ. Все въ избушкѣ было чисто и нарядно. Старикъ одѣлъ Анюту въ самое лучшее платьице, посадилъ ее въ уголокъ и вышелъ на минутку. Когда онъ возвратился обратно, то Анюты и слѣдъ простылъ. Она исчезла. Онъ кликалъ ее, искалъ, но все было напрасно. Она какъ въ воду канула. Онъ встревожился и сталъ безпокойно креститься. И вдругъ откуда-то изъ-за печи послышался лукавый дѣтскій голосокъ:

— Куку!

Онъ бросился къ углу и вдругъ остолбенѣлъ. Въ мѣшкѣ изъ-подъ угля что-то шевелилось.

— Куку! повторила Анюта.— А я здѣсь!

И она, помытая только наканунѣ вечеромъ и только часъ тому назадъ одѣтая въ свое лучшее чи-

стое платьице, вылѣзла изъ угольного мѣшка, не похожая на самое себя и вся черная, какъ маленькій арапъ.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать, Анюта! воскликнулъ онъ и всплеснулъ руками.— Нехорошо Аня, нехорошо! Дѣда будетъ Аню бить! Анѣ будетъ больно!

Но она такъ весело смѣялась, что у него не хватило характера долго быть съ нею серьезнымъ, и онъ сталъ смѣяться и самъ.

„Вотъ и придумывай послѣ этого для дѣтей наказанія!“ подумалъ онъ и безнадежно махнулъ рукой.— „Ты ее наказываешь, а она радуется! Въ прежнее время къ намъ съ неба слетали ангелы, чтобы оберегать насъ отъ зла, а теперь Господь посылаетъ намъ дѣтей, чтобы мы, взрослые, учились у нихъ незлобію и простотѣ! Эхъ-эхъ-эхъ! Дѣлать нечего, надо теперь ее переодѣвать и мыть!“

И онъ согрѣлъ самоваръ и ласково и любовно вымылъ Анюту въ корытѣ и одѣлъ ее въ чистое бѣлье.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда Анюта уже спала, у Егора Петровича произошла сцена, которой онъ вовсе не ожидалъ.

Онъ сидѣлъ на лавочкѣ у своей избушки и смотрѣлъ на красную полосу заката. Кричали во ржи перепела и въ лугахъ коростели, кругомъ было тихо и безмятежно, какъ и у него на сердцѣ, и вы-

соко, ближе къ западу, виднѣлся тоненькій, блѣдный, остренькій серпъ луны. Было хорошо. Несмотря на то, что Егоръ Петровичъ былъ уже не молодъ, ему очень хотѣлось жить, и эта красота вечера еще болѣе увеличивала въ немъ это желаніе. Теперь онъ былъ не одинъ, у него была цѣль жизни въ лицѣ маленькой Анюты, и больше онъ не хотѣлъ ничего.

— Слава Богу! повторялъ онъ. — Слава Богу!

И вдругъ передъ нимъ появилась какая-то незнакомая, молодая женщина. Она была худа и блѣдна и бѣдно одѣта. Робкая, конфузливая, она подошла къ нему и остановилась. Онъ подумалъ, что она проситъ милостыню, и полѣзъ уже въ карманъ. Но она осмѣлилась, сѣла на лавочку рядомъ съ нимъ и закрыла лицо руками.

— Что съ тобой? удивился онъ. — Ты плачешь?

Она не отвѣтила.

— Ты плачешь? повторилъ онъ. — О чемъ?

Она приняла руки съ лица и, задыхаясь отъ волненія, полная горя и отчаянія, стала рассказывать ему, какъ годъ тому назадъ лишилась далеко на югѣ своего мужа, какъ пріѣхала сюда къ своему свекору, но не нашла его, какъ билась съ тяжкой нуждой и наконецъ отправилась зимой въ стужу и вѣтеръ, въ сосѣдній городъ, чтобы поступить на фабрику. Но

силы измѣнили ей. Она несла съ собой дѣвочку по второму году, сбилась съ пути и вотъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ упала прямо на снѣгъ и лишилась чувствъ. Когда она очнулась, то увидала себя уже въ земской больницѣ, но куда дѣлась ея дочь Анюта, она не знаетъ, и никто не могъ ей этого сказать. Тѣ три мужика, которые принесли ее въ больницу, никакого ребенка около нея не видѣли, значитъ—ея Анюта куда-нибудь уползла отъ нея и погибла. И вотъ она ходитъ теперь по этимъ мѣстамъ и ищетъ хоть малѣйшій признакъ своего ребенка: кусочекъ тряпочки, крестикъ—однимъ словомъ, хотя что-нибудь такое, что напомнило-бы ей объ Анютѣ.

Старикъ слушалъ ее съ глубокимъ волненіемъ. Для него не было теперь никакого сомнѣнія, что это была мать той дѣвочки, которую онъ пріютилъ у себя и такъ горячо любилъ. Но неужели она возьметъ ее отъ него? Неужели она оставитъ его сиротой? И смѣшанное чувство радости, что у Анюты нашла мать, и ревности, что теперь Анюта будетъ любить свою мать больше, чѣмъ его, овладѣло его душой. Но чувство порядочности взяло надъ нимъ верхъ, и онъ взялъ женщину за руку и сказалъ:

— Это было девятаго февраля?

— Да, девятаго февраля!.. быстро отвѣтила она.

— Ты говоришь, что ты не

здѣшня, что ты пріѣхала съ юга и шла на заработокъ? продолжалъ онъ.—Откуда-же ты пріѣхала?

— Изъ Одессы... Я ѣхала къ свекору, но онъ куда-то переселился, и я его не нашла.

— А какъ зовутъ твоего свекора?

— Егоръ Петровичъ.

Старикъ вздрогнулъ, но овладѣлъ собой. Вся фигура женщины выражала собою такое безнадежное горе, что хотѣлось заплакать и ему. Ему нравилась эта женщина своими искренностью и простотой, какія бываютъ только у южанъ, а самое ея горе казалось ему красивымъ и поэтичнымъ, какъ бываетъ иногда красива музыка, трогающая за душу и вызывающая слезы.

— Ну, а кто былъ твой мужъ? Какъ его звали? спросилъ онъ.

Она сказала.

Теперь для него не оставалось уже больше никакихъ сомнѣній. Онъ поднялся, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Она послушно послѣдовала за нимъ. Старикъ ввелъ ее въ избушку и подвелъ къ маленькой кровати, которую самъ-же сдѣлалъ для Анюты. Въ ней лежала дѣвочка, похожая на ангела, положивъ ручку подъ щечку, и сладко-сладко спала. Красивый закатъ пробивался въ два окна и отражался на противоположной стѣнѣ.

— Вотъ твоя дочь! сказалъ онъ.—А я—родной отецъ твоего покойнаго Ивана!

Она посмотрѣла на ребенка, потомъ на него, взвизгнула, какъ маленькая, отъ радости и кинулась къ Анютѣ. Она схватила ее, прижала ее къ своему сердцу и стала алчно покрывать ее безумными поцѣлуями. Анюта проснулась, не узнала ея и стала громко плакать. Вопли радости матери, плачь ребенка и вздохи и смѣхъ старика смѣшались въ одну общую очаровательную музыку, названія которой нельзя придумать и которой не могъ-бы сочинить ни одинъ человекъ. А этой музыкѣ вторила съ надворья другая: тамъ, въ поляхъ послѣ знойнаго дня пробуждалась жизнь, и затягивались новыя пѣсни насѣкомыхъ и птицъ: стрекотали кузнечики, трещали лягушки, кричали коростели и перепела и далеко-далеко въ лѣсу слышалось запоздавшее кукованье кукушки.

Старикъ вышелъ и возвратился обратно съ охалкой сѣна.

— Ты ляжешь здѣсь, съ ребенкомъ, обратился онъ къ женщинѣ.— На моей кровати...—А я постелю себѣ сѣна въ сѣняхъ...

Занятая ребенкомъ, она не отвѣтила ему ничего.

— Вѣдь ты, останешься со мною навсегда? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтила она.

Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ голову и вышелъ въ сѣни. А она еще долго возилась съ Анютой.

ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ ИРЕНЫ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Въ домѣ старой графини - Сюзанны тоже не все обстояло благополучно. Предчувствуя недоброе, Джемми заскучала и перестала выходить изъ своей комнаты. Старушка приняла это за то, что она скучаетъ по Иренѣ, заволновалась и не знала, чѣмъ ее утѣшить. И чѣмъ рѣже Джемми выходила къ ней и чѣмъ неохотнѣе разговаривала съ ней, тѣмъ у графини все тверже и яснѣе созрѣвало намѣреніе взять къ себѣ на воспитаніе ребенка.

— Я возьму изъ какого-нибудь пріюта ребенка, наконецъ рѣшила она, — и перевезу его къ себѣ. Это хоть немного утѣшить и развлечь бѣдную Ренату!

И она приказала заложить карету и отправилась въ ней въ пріюты для бездомныхъ дѣтей. Она переѣзжала изъ одного пріюта въ другой, присматривалась въ нихъ къ дѣвочкамъ лѣтъ Ирены, но ни одна изъ нихъ не показалась ей симпатичной и миловидной, и она готова уже была отказаться отъ своего предпріятія, какъ кто-то ей сказалъ:

— Вы-бы отправились, графиня, въ пріютъ Святой Жозефины. Онъ находится далеко, по ту сторону

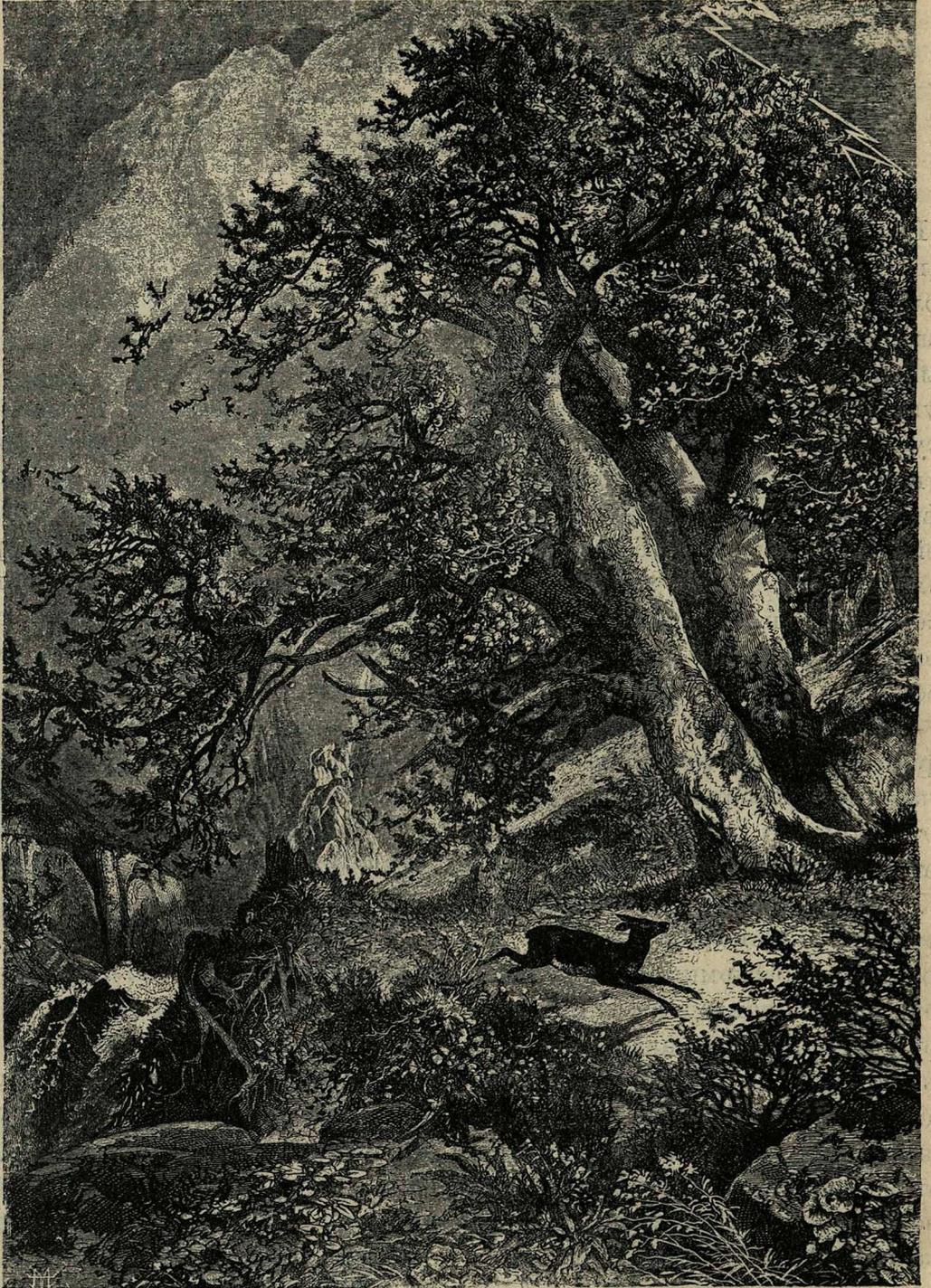
Сены, у Эйфелевой башни. Но это ничего. За то тамъ много бездомныхъ дѣвочекъ, изъ которыхъ вы можете выбрать по своему вкусу любую.

Графиня тотчасъ-же поѣхала въ пріютъ Святой Жозефины. Тамъ ее приняли очень ласково, показали ей всѣхъ дѣвочекъ, но и здѣсь графиня не нашла такой, которую могла-бы впослѣдствіи удочерить. Разочарованная, досадуя на себя за то, что никакъ немогла остановиться въ такомъ громадномъ выборѣ ни на комъ, графиня собралась уже уѣзжать домой и простилась съ начальницей пріюта.

— А не заглянете-ли вы, графиня, къ намъ еще и въ лазаретъ? предложила ей начальница. — Тамъ есть много дѣвочекъ, которыя уже выздоравливаютъ, но которыхъ мы еще не выпускаемъ сюда.

Графиня подумала и неохотно отправилась въ лазаретъ. Она обошла всѣхъ дѣвочекъ, съ каждой изъ нихъ поговорила и вдругъ, какъ вкопанная, остановилась передъ кроваткой, въ которой въ забытѣ лежала Ирена.

— Боже мой! воскликнула она. — Какое поразительное сходство съ покойной Иреной!

Гроза въ горахъ.

Близкіє друзя.

И, не смотря на тяжелую болѣзнь дѣвочки, она рѣшила тотчасъ-же взять ее къ себѣ.

— Я беру эту дѣвочку! сказала она.—Какъ ее зовутъ?

— Ее зовутъ — Ира, отвѣтила начальница.—Она бѣжала отъ своей бабушки изъ Бреста, но ее поймалъ на дорогѣ ея двоюродный дядя, который и помѣстилъ ее сюда. Онъ навсегда отказался отъ нея. Кромѣ имени „Ира“ мы больше не знаемъ о ней ничего.

— „Ира и Ирена...“ подумала графиня Сюзанна.—„И имена даже похожи“...

И довольная своимъ выборомъ, она подписала необходимыя формальности и приказала какъ можно теплѣе завернуть Ирену въ одѣяло и перенести ее къ ней въ карету. Маленькая, худенькая, точно убитая птичка, Ирена лежала у графини на колѣняхъ, а лошади мчали ихъ черезъ весь Парижъ домой. Какая-то необъяснимая теплота наполнила вдругъ сердце графини. Она прижала Ирену къ себѣ, стала покрывать ее лицо поцѣлуями и въ первый разъ за всѣ эти десять лѣтъ почувствовала себя не такой одинокой, какъ была.

— Моя, моя!.. шептала она.—Я никому тебя не отдамъ!

Джемми не было дома, когда графиня Сюзанна возвратилась домой. Съ большими предосторожностями Ирену перенесли изъ кареты въ спальню и уложили на кровать гра-

фини. У дѣвочки былъ жаръ, она все еще не приходила въ себя и иногда безсвязно бредила. Это испугало графиню. Неужели-же дѣвочка была такъ сильно больна?

— Сходите скорѣе за докторомъ! приказала она горничной.— Попросите его какъ можно скорѣе придти! Чтобы не терять времени, зовите перваго ближайшаго!

Горничная поклонилась и вышла.

Старая графиня быстро раздѣла Ирену, уложила ее поудобнѣе и укрыла одѣяломъ. И вдругъ ей бросился въ глаза тотъ самый медальонъ, который графиня Рената когда-то надѣла Иренѣ на шею, когда разставалась съ ней въ Брестѣ, отдавая ее въ пансіонъ. Она раскрыла его и заглянула въ него внутрь. И вдругъ руки у нея задрожали и ей показалось, что сердце ея готово разорваться на части. Въ медальонѣ была карточка какого-то господина, необыкновенно похожаго на ея покойнаго сына Джерома.

— Рената! Рената! закричала она и бросилась къ комнатѣ Джемми.

Но Джемми все еще не было дома. Успокоившись немного, графиня закрыла медальонъ, съѣла сбоку Ирены и, все еще полная удивленія, стала смотрѣть на дѣвочку.

— Какое поразительное сходство! повторяла она.—Какъ этотъ

господинъ на карточкѣ похожъ на моего Джерома! Какъ эта дѣвочка похожа на Ирену!

Послышались шаги и въ спальную вошла горничная.

— Докторъ пріѣхалъ! доложила она.

— Просите! сказала графиня.

Дѣвушка вышла и вслѣдъ за тѣмъ въ спальную вошелъ докторъ Гонкуръ.

— Чѣмъ могу вамъ служить? спросилъ онъ.

Старушка рассказала ему, какъ она пожелала имѣть воспитанницу, какъ объѣздила всѣ парижскіе пріюты и какъ въ одномъ изъ нихъ ей удалось найти наконецъ эту больную, безродную дѣвочку Иру, которую она и рѣшила пріютить у себя. И она повела доктора Гонкура къ больной.

Онъ нагнулся надъ Иреной и вдругъ вздрогнулъ, но постарался тотчасъ-же овладѣть собой и подавить въ себѣ удивленіе. Затѣмъ онъ точно нечаянно осмотрѣлъ медальонъ, который видѣлъ на Иренѣ и раньше, и снова спряталъ его ей за рубашку.

— „Это Ирена!“ подумалъ онъ. — „Какъ неожиданно и чудесно она нашлась!“

И затѣмъ уже громко онъ продолжалъ:

— Вы говорите, графиня, что взяли эту дѣвочку изъ пріюта?

— Да, просто и правдиво отвѣтила графиня Сюзанна, — изъ прію-

та святой Жозефины, гдѣ-то далеко отсюда, за Сеной у Эйфелевой башни!

Докторъ осмотрѣлъ и выслушалъ больную. Ничего опаснаго не было, а было только сильное нервное разстройство, которое могло пройти черезъ три-четыре дня при хорошемъ, заботливомъ уходѣ. Затѣмъ докторъ всталъ.

— Болѣзнь такого рода, графиня, сказалъ онъ, — что я самъ долженъ привести сейчасъ для этой дѣвочки лекарство. Разрѣшите мнѣ отлучиться на двадцать минутъ!

И не прощаясь съ графиней Сюзанной, онъ взялъ со столика шляпу и вышелъ изъ спальни.

Едва только онъ вышелъ, какъ Ирена пришла въ себя и робкими, удивленными глазами оглядѣлась вокругъ.

— Мама! Гдѣ мама? произнесла она слабымъ голоскомъ и вдругъ разрыдалась.

Графиня бросилась къ ней и стала ее утѣшать. Она вытирала ей слезы, цѣловала ее, прижимала ея тоненькое, тщедушное тѣльце къ себѣ и чувствовала, что съ каждой минутой, съ каждымъ мгновеніемъ эта дѣвочка почему-то становилась для нея все ближе и ближе. И не будучи въ состояніи унять слезы Ирены, она расплакалась вмѣстѣ съ нею и сама, и эти слезы, точно цѣлебный бальзамъ, облегчили ея сердце и тонкой, сладчайшей струйкой

проникли ей въ самую глубину души.

И вдругъ за стѣною послышались шаги. Затѣмъ дверь въ спальную отворилась и въ ней снова показался докторъ Гонкуръ.

— Я привезъ лекарство для дѣвочки! сказалъ онъ.—Вотъ оно!

И онъ ввелъ въ спальную за руку Ренату.

Увидавъ Ирину, мать вскрикнула отъ радости и бросилась къ кровати, на которой лежала ея дочь.

— Мамочка! Мама! взвизгнула Ирина и, привскочивъ, обхватила обѣими руками графиню Ренату за шею и обѣ вмѣстѣ, сцѣпившись, повалились на постель.

— Ирина! Милая моя! рыдала графиня Рената.—Ты ли это? Неужели мою молитву услышалъ Господь?

А старая графиня Сюзанна Берто стояла тутъ-же, глядѣла на эту сцену и тоже отирала себѣ слезы. А затѣмъ, когда мать и дочь заплакали досыта и сѣли рядышкомъ на кровати и стали смотрѣть другъ на дружку и смѣяться отъ радости, то старая графиня Сюзанна подошла къ Ренатѣ и взяла ее за руку.

— Милая моя, обратилась она къ ней,—скажите мнѣ, кто вы, чтобы я знала, кому имѣла удовольствіе такъ неожиданно возвратить пропавшую дочь?

Графиня Рената рассказала ей все, не скрывая отъ нея ни ма-

лѣйшей подробности. И по мѣрѣ того, какъ продолжался ея рассказъ, по мѣрѣ того, какъ Рената повѣтствовала о своей жизни въ Америкѣ, о своемъ переѣздѣ въ Европу, объ отказѣ старой графини Сюзанны принять ее и о похищеніи затѣмъ Ирины, старушка все болѣе и болѣе блѣднѣла и приходила въ недоумѣніе. Руки у нея дрожали, сердце билось, и каждую минуту она хваталась за грудь. Она слушала Ренату, стараясь не проронить ни одного ея слова, и и только повторяла:—

— Какая низость!.. Какъ это гадко!.. И затѣмъ, убѣдившись окончательно, что передъ ней была настоящая Рената она встала съ кресла и громко продолжала:—Но я благословляю Бога, что Онъ вернулъ ко мнѣ мою настоящую дочь!

И прежде чѣмъ Рената успѣла понять эти ея слова и что-нибудь произнести въ отвѣтъ, старая графиня Сюзанна бросилась къ ней, привлекла ее къ себѣ и крѣпко прижала ее къ сердцу.

— Рената, дорогая Рената! воскликнула она наконецъ. Слезы мѣшали ей говорить.—Моя милая, изстрадавшаяся дочь! Какое чудо могло привести тебя ко мнѣ?

— Мама! Графиня! воскликнула Рената и, упавъ ей на грудь, зарыдала, какъ дитя.

Нужно-ли говорить, что было потомъ? Это понятно для всякаго,

кто хоть однажды испыталъ радость свиданія съ дорогимъ человекомъ, а потому авторъ позволяетъ себѣ миновать подробности и подойти поближе къ давно желаемому концу.

Четверть часа спустя, старая графиня Сюзанна прошла въ сосѣднюю комнату и о чемъ-то долго говорила по телефону съ полиціей, а еще черезъ четверть часа внизу слышались осторожные шаги полицейскихъ, тихонько размѣстившихся по угламъ.

А затѣмъ у параднаго крыльца раздался шумъ автомобиля, хлопнула дверь и въ гостинную, гдѣ сидѣли старая графиня Сюзанна, Рената и докторъ, вдругъ вошла съ массой покупокъ Джемми. За нею слѣдовалъ какой то бритый господинъ.

— Здравствуй, мама! обратилась она къ старушкѣ, принявъ Ренату и доктора за гостей. — Позволь представить тебѣ моего брата Тома, только-что пріѣхавшаго изъ Америки въ Парижъ! Онъ такъ любилъ нашего покойнаго Джерома!

Томъ почтительно поклонился графинѣ. Она поднялась съ кресла и, сверкнувъ на Джемми глазами, полными обиды и негодованія, подошла къ противоположной двери и настѣжь ее распахнула.

— Войдите сюда! обратилась она къ кому-то.

Трое полицейскихъ вошли въ гостинную и бросились къ Джем-

ми и Тому. Братъ и сестра не ожидали этой засады, попытались было назадъ, но полицейскіе преградили имъ дорогу, скрутили имъ руки назадъ и повели ихъ за собой. А графиня Сюзанна, Рената и докторъ возвратились въ спальную, сѣли около пробудившейся и начавшей уже улыбаться Ирены и еще долго разговаривали о томъ, что уже миновало навсегда и теперь оставалось въ воспоминаніи только какъ тяжелый, смутный сонъ.

Двѣ недѣли спустя, на мраморномъ балконѣ роскошной виллы графини Сюзанны близъ Рима сидѣла маленькая Ирена и складывала кубики. Свѣтило яркое солнце, цвѣли апельсины и въ воздухѣ стоялъ аромат бѣлыхъ лилій и фіалокъ. Безмолвныя мраморныя статуи бѣлѣлись въ зелени лавровъ и миртъ и высокіе, темные кипарисы, точно монахи, стояли рядкомъ у ограды. Графини Сюзанна и Рената сидѣли въ гостинной, недалеко отъ Ирены.

Какъ вдругъ внизу раздался чей-то старческій разбитый голосъ и слышались звуки гитары. Ирена вздрогнула, бросила кубики и выглянула черезъ перила.

— Это онъ! Онъ! радостно закричала она матери и старой графинѣ.

— Кто онъ? спросила старушка. — О комъ ты говоришь?

— Это онъ, тотъ самый музыкантъ, который спасъ меня когда-то въ Брестѣ!

Объ графини вышли на балконъ и посмотрѣли внизъ. Это дѣйствительно былъ тотъ самый старичекъ, который когда-то пожалѣлъ Ирену и упалъ вмѣстѣ съ нею на траву передъ дачей доктора Гонкура. Увидавъ на балконѣ дамъ, онъ снялъ широкополую шляпу и раскланялся. Тогда графиня вернулась къ себѣ въ будуаръ, достала изъ стола туго набитый золотомъ кошелекъ и бросила его съ балкона внизъ музыканту.

— Gracia, signora, gracia! (благодарю, сударыня, благодарю!) крикнулъ ей музыкантъ и, подбравъ кошелекъ, снова помахалъ ей своей шляпой и, довольный, вышелъ со двора.

— Какое у него благородное лицо! сказала графиня Сюзанна.

Ей никто не отвѣтилъ. Пролетѣлъ тихій ангелъ и всѣ трое еще долго молчали. Появленіе знакомаго пѣвца напомнило о пережитомъ и какъ-то не вѣрилось, что все могло окончиться такъ благополучно и что кругомъ было такъ безопасно и хорошо.

К. Тр.—

ЛѢТОМЪ.

Лѣтнимъ днемъ не мало дѣла:—
Утромъ рано надо встать—
Земляника ужъ поспѣла,
Надо ягоду собирать.
На току, за старой клуней
Надо въ жмурки поиграть;
Надо къ завтраку петуній
Въ палисадникѣ нарвать.
Подъ заборомъ, тамъ гдѣ съхмѣлемъ
Переплелся виноградъ, —

Полежать въ тѣни; къ качелямъ
Побѣжать въ тѣнистый садъ.
На лугу, гдѣ въ свѣжихъ росахъ
Колыхается трава,
Кувырнуться; на покосахъ
Поиграть часокъ, иль два.
Смотришь—небо потемнѣло,
Ужъ пора ложиться спать!
Лѣтнимъ днемъ не мало дѣла
Только раньше нужно встать!

Е. О.

ЗВУКИ МОРЯ.

Италянская сказка.

Всякій разъ, какъ Нина проходила по улицамъ города, ей доставляло какое-то особенное удовольствие останавливаться передъ окнами магазиновъ, въ которыхъ продавались кораллы, раковины и разныя издѣлія изъ перламутра. Она любила смотрѣть на причудливыя раковины, то сѣрыя, то пестренкія, то розовыя, величиною иногда съ цѣлый соусникъ, и ей всегда представлялось дно моря очаровательнымъ садомъ, въ которомъ росли вѣтвистыя розовыя кораллы, ползали такія громадныя, красивыя улитки, какъ эти раковины, и, точно большіе грибы, то тамъ, то здѣсь выглядывали изъ-подъ водорослей мягкія, пушистыя губки.

„Какъ, должно быть, интересно быть рыбкой!“ думала она.— „Если бы я была рыбкой, то всегда плавала-бы около коралловъ и этихъ красивыхъ улитокъ“.

Отецъ Нины былъ простой рыбакъ. Когда онъ не уплывалъ въ море, то бралъ дѣвочку за руку и ходилъ съ ней гулять. И всякій разъ, когда она останавливалась передъ окнами магазиновъ и начинала вглядываться въ раковины, то ему казалось, что ей хотѣлось имѣть нитку коралловъ или брошку изъ мозаики, и ему было досадно,

что онъ не могъ ихъ для нея купить. И онъ въ свою очередь думалъ:

„Какъ только я наловлю больше рыбы и выгодно продамъ, такъ и куплю для Нины что-нибудь въ подарокъ“.

И вдругъ она сама обратилась къ нему съ просьбой:

— Папа, купи мнѣ раковину!

Онъ удивился. Раковины были недороги, онъ вошелъ въ магазинъ и купилъ для Нины большую розовую раковину. Она была внѣ себя отъ восторга. Оглядѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, она приложила ее къ уху, и вдругъ лицо ея сдѣлалось серьезнымъ.

— Шумить! воскликнула она.— Раковина шумить. Что это такое?

— Это звуки моря... нерѣшительно отвѣтилъ ей отецъ.— У насъ, моряковъ, есть повѣрье, что раковина никогда не забываетъ о морѣ и даже когда лежитъ на полкѣ или въ магазинѣ на окнѣ, то всегда ведетъ съ нимъ разговоръ. Она не забываетъ о морѣ никогда.

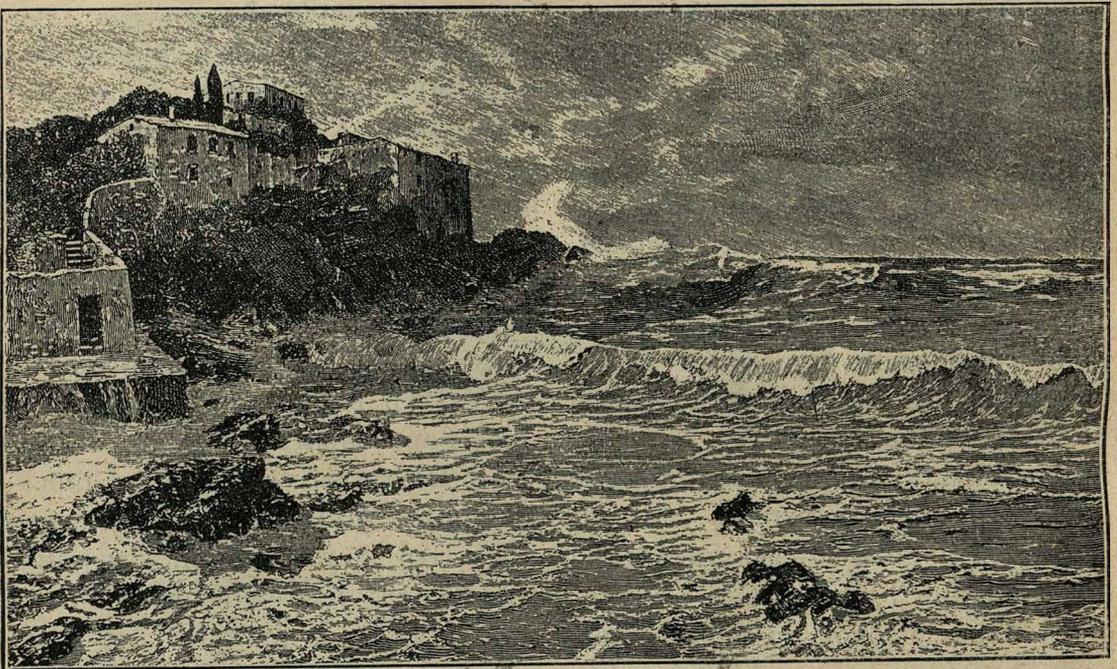
Ему было неловко говорить ребенку объ этомъ повѣрѣ, но онъ и самъ былъ морякъ и, какъ морякъ, былъ суевѣренъ. Сколько разъ, отправившись на рыбную ловлю далеко въ море, одинъ на

утлой ладѣ, онъ слышалъ вокругъ себя шумъ волнъ, эти звуки моря, которые еще долго оставались у него въ ухахъ, когда онъ приставалъ къ берегу. Сколько разъ, находясь на краю гибели, онъ обращался къ морю и просилъ его, точно живое существо, докатить свою волну до берега, къ самой его избушкѣ и передать его бла-

который услышала Нина, есть дѣйствительно голосъ моря?

— Но если море и раковины разговариваютъ между собой, спросила Нина, — то, значить, у нихъ есть и уши?

Рыбакъ не нашелся, что ей отвѣтить и сказалъ „да“. Развѣ онъ самъ не обращался къ морю въ минуты опасности и не просилъ

Средиземное море.

гословеніе одинокой Нинѣ! А когда онъ уплыветъ далеко въ море, и случится буря, то развѣ волны не докатываются до берега и, разбиваясь о береговые камни, не говорятъ людямъ, что кто-то терпитъ въ морѣ горе и нуждается въ помощи? Почему-же не допустить, что и раковина разговариваетъ съ моремъ и что тотъ шумъ,

его, что бы оно утихло? Развѣ онъ не вѣрилъ, что оно его услышитъ? И суевѣрный морякъ шелъ рядомъ со своей дѣвочкой Ниной слушалъ ея щебетанье и вѣрилъ и самъ въ то, о чемъ спрашивалъ его ребенокъ.

Съ тѣхъ поръ Нина уже больше не останавливалась передъ окнами магазиновъ и цѣлые часы прово-

дила дома съ раковиной. Она прикладывала ее къ уху и съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица вслушивалась въ ея шумъ.

— Ты часто слушаешь звуки моря? какъ-то разъ обратился къ ней отецъ, возвратясь съ рыбной ловли.

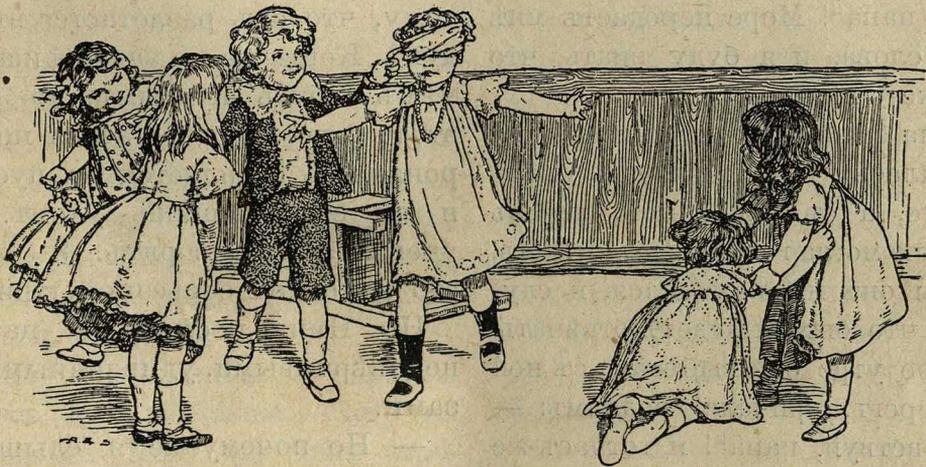
— Почти всегда, отвѣтила она.

— Зачѣмъ?

дѣль на дочь. Такого способа разговора онъ еще не зналъ, хотя и вѣрилъ въ голосъ моря, и эта выдумка его дочери показалась ему забавной.

— Ну, вотъ и хорошо! весело сказалъ онъ.—Когда я отправлюсь на ловлю, то ты выходи на бережокъ и веди со мною разговоръ!

Два дня спустя, рыбакъ отпра-

Игра въ жмурки.

— Я хочу понять языкъ волнъ. Когда ты уплывешь далеко въ море, на нѣсколько дней, и я по тебѣ соскучусь и захочу что-нибудь тебѣ сказать, то я приложу губы къ раковинѣ, поговорю съ ней и попрошу ее передать мои слова морю. Волны подхватятъ эти мои слова и донесутъ до тебя... Ты услышишь меня и приѣдешь... Или передашь мнѣ съ моремъ отвѣтъ.

Рыбакъ съ удивленіемъ погля-

вился на ловлю. Онъ уѣхалъ надолго. Предвидѣлась ловля далеко отъ материка, и его парусная лодка „Святая Марчелла“ взмахнула парусомъ, накренилась на бокъ и, точно птица, понеслась по поверхности моря. Скоро она скрылась совсѣмъ. Маленькая Нина одиноко стояла на берегу и глядѣла ей вслѣдъ. Потомъ она глубоко вздохнула и побрела домой.

— Прощай, папа! сказала она.

Передъ тѣмъ, какъ отправиться

въ море, отецъ посадилъ ее къ себѣ на колѣнку и сказалъ:

— Каждое утро ты выходи на берегъ и, посылая мнѣ съ волнами привѣтъ, говори: — Здравствуй, папа!“ Гдѣ бы я ни находился, я услышу тебя и передамъ поклонъ и тебѣ. А передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ты молись каждый вечеръ Богу и потомъ говори волнамъ: — „Спокойной ночи, папа!“ Море передастъ мнѣ твои слова, и я буду знать, что ты уже спишь.

Нина была довольна. Теперь она оставалась уже не одна, какъ раньше, а съ раковиной, черезъ которую могла говорить съ отцомъ, гдѣ-бы онъ ни находился, и слушать, что онъ ей будетъ отвѣчать. Каждое утро она выбѣгала съ ней на берегъ, кричала волнамъ: — „Здравствуй, папа!“ и тотчасъ-же прикладывала раковину къ уху. И ей казалось, что въ шумѣ раковины она слышала голосъ отца, точно онъ отвѣчалъ ей по телефону изъ далекаго-далекаго мѣста: — „Здравствуй, мое одинокое дитя!“ И что бы ни случилось теперь дома — заблудится-ли овца, проѣдутъ-ли мимо иностранцы и заговарятъ съ ней или дадутъ ей мѣдную монету, придетъ-ли большой пароходъ, она тотчасъ-же бѣжала съ раковиной къ морю и разговаривала съ отцомъ.

— Что ты дѣлаешь? обратился къ ней однажды сосѣдъ. Зачѣмъ

ты такъ часто прикладываешь раковину къ уху?

— Я слушаю въ ней звуки моря и голосъ отца, просто отвѣтила она.

— Но вѣдь это шумятъ въ ней не звуки моря, а твоя-же собственная кровь! Развѣ ты не знаешь, что по всему человѣческому тѣлу бѣжить съ шумомъ кровь и что этотъ шумъ мы не слышимъ потому, что онъ разлетается въ воздухъ. Когда-же ты загородишь ухо чѣмъ-нибудь пустымъ, то шумъ этотъ уже не разлетается по сторонамъ, а скопляется въ пустотѣ, и ты его слышишь ухомъ. Всѣ ученые такъ говорятъ. Я читалъ это въ одной серьезной книгѣ.

Но Нина посмотрѣла на него недоувѣрчивыми, удивленными глазами.

— Но почему-же я слышу голосъ папы? спросила она.

— Потому, что ты хочешь его слышать и слышишь, продолжалъ сосѣдъ. Ты сама себя убѣждаешь въ томъ, что это разговариваетъ съ тобой отецъ! А это вовсе не онъ, а слышно, какъ шумитъ твоя кровь!

Ей не хотѣлось разочаровываться, и она отошла отъ него и сѣла на береговой камень. Въ тихую погоду, или въ бурную, — но море всегда находится въ движеніи и его волны, катясь по отлогому берегу, всегда производятъ шумъ. Нина любила этотъ шумъ

и, сидя теперь на камнѣ, мечтательно глядѣла вдаль и опять прикладывала раковину къ уху. И ей казалось, что отецъ ей говорилъ:

— Будь умна, моя крошка, вѣдь ты у меня одна. Береги себя. Когда ты вырастешь побольше, то я буду брать тебя съ собой, и мы будемъ вмѣстѣ уѣзжать въ море надолго! Мнѣ здѣсь тоже скучно одному безъ тебя, и я такъ-бы хотѣлъ повидаться съ тобою!

А когда наступала непогода, и волны съ дикимъ ревомъ обрушивались на берегъ, то Нина дрожала отъ страха. Ей казалось тогда, что ея отецъ умолялъ ее о помощи и она бѣжала домой и, блѣдная отъ страха, прижималась къ своей бабушкѣ.

— Что ты, милочка? обращаешься къ ней бабушка.—Чего ты испугалась? Чего ты такъ дрожишь?

— Я сейчасъ слушала въ раковину, робко отвѣчала Нина,—и мнѣ показалось, что папа тонетъ и зоветъ меня къ себѣ.

И обѣ становились на колѣни и начинали молиться за рыбака.

Однажды случилось такъ, что онъ дѣйствительно тонулъ. Онъ былъ далеко въ морѣ, когда сразу налетѣла буря. Въ одну минуту море покрылось бѣлыми барашками, которые все увеличивались и увеличивались и превратились затѣмъ въ цѣлыя водяныя горы. Пасмурное небо вдругъ сдѣлалось

желтымъ, а затѣмъ зеленымъ. Громадные шквалы стали обрушиваться на „Святую Марчеллу“ и она накренивалась такъ, что едва не зачерпывала воды. Бока ея трещали; казалось, что при каждомъ ударѣ волнъ вотъ-вотъ разлетится на куски ея мачта и лишившись ея, самая барка перевернется вверхъ килемъ. Порывомъ вѣтра были тотчасъ-же сорваны съ нея паруса и ихъ клочья еще долго, точно громадныя птицы, летали надъ водою. Потомъ наступила темнота. „Святая Марчелла“ носилась по волнамъ, какъ орѣховая скорлупа. И на цѣлыя версты кругомъ не было ни одной лодки, ни одного парохода, ни одной человѣческой души, которая знала-бы о ней и помогла-бы рыбаку. Только на берегу, около его избушки, собралась толпа его сосѣдей, и о чемъ-то говорила, указывая на море. Они качали головами и говорили такъ, чтобы ихъ не слышали Нина и ея бабушка:

— Бертоло погибнетъ! Теперь его не спасетъ уже ничто! Его лодка слишкомъ слаба, чтобы выдержать такіе удары волнъ.

И какъ разъ въ это самое время громадная волна наскочила на „Святую Марчеллу“, подбросила ее такъ, что отецъ Нины свалился съ нея и упалъ прямо въ воду, и понесся куда-то далеко-далеко въ темноту, на произволь судьбы. Почувствовавъ себя въ водѣ,

Бертоло быстро сбросилъ съ себя куртку и сапоги и поплылъ туда, гдѣ должна была находиться его лодка. Если она не потонула, если она еще носится по волнамъ и онъ уцѣпится за нее, то онъ будетъ спасенъ. Но его завертѣло въ водоворотѣ, онъ потерялъ направление, сбился съ пути и поплылъ наудачу.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! закричалъ онъ.—Помогите! Спасите! Я тону!

Но никто его не слышалъ. Сильными взмахами рукъ онъ поплылъ, куда глядѣли его глаза. Онъ всматривался въ даль, но его глаза уже не увидали ни мачты, ни самой лодки, и въ мрачной темнотѣ передъ нимъ поднимались однѣ только волны и бѣлые, пѣнистые гребешки и ихъ шумъ сливался въ одинъ общій гулъ, отъ котораго становилось жутко и тоскливо надушѣ. Выбившись изъ силъ, Бертоло повернулся на спину и предоставилъ себя волнамъ. Сколько времени онъ такъ проплылъ—онъ не помнить. Минуты казались ему вѣчностью. А когда наступила ночь, то онъ понялъ, что ему не откуда дожидать помощи, и покорно сталъ ожидать своего конца. Теперь онъ уже погибъ!

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! крикнулъ онъ въ послѣдній разъ.

Потянулись длинные, мрачные, полные ужаса часы. А затѣмъ море стихло, успокоилось и закачало бѣднаго рыбака, точно въ

колыбели. Онъ все еще держался на его поверхности, но что было толку въ томъ, что злобствующія волны уже не носили Бертоло, какъ щепку? Онъ выбился изъ силъ и, одинокій, продрогшій, сталъ покорно ожидать своего конца. Холодъ сковалъ его члены, зубы его стучали, онъ не могъ разжать кулаковъ. Были минуты, когда ему хотѣлось въ отчаяннн замурить глаза и опуститься въ безсилн на дно.

— Пора! пронеслось у него въ мозгу.—Теперь я погибъ! Сейчасъ я утону!

Но вдругъ онъ услышалъ какой-то странный звукъ. Ему показалось, что кто-то знакомый шепнулъ около него слово „вернись!“ Онъ вспомнилъ о Нинѣ, о своихъ, ему вдругъ страстно, безумно захотѣлось увидѣть свою дочь и этотъ голосъ „вернись“ наполнилъ его душу бодростью и отвагой. Ему захотѣлось жить. Нѣтъ, чтобы ни случилось, какъ-бы онъ ни усталъ и какъ-бы ни выбился изъ силъ, а онъ напряжетъ послѣднн свои усилн и постарается подольше продержаться на водѣ. Онъ будетъ плыть, пока не умретъ, онъ доплыветъ до берега и хоть на одну минуту, хоть однимъ глазомъ увидитъ свою дочь Нину, которую любить такъ горячо!

И онъ взмахнулъ руками и снова поплылъ. И все время, пока онъ плылъ, ему казалось, что море

шептало вокругъ него знакомыя слова:—

— Вернись, папа, вернись! Хотя и ночь, но я не сплю и жду тебя на берегу. Вернись!

Но силы все-таки оставили его, онъ закрылъ глаза и больше уже не видѣлъ и не слышалъ ничего.

Въ тотъ вечеръ Нина по обычаю вышла на берегъ и долго разговаривала черезъ раковину съ отцомъ. Она рассказала ему все, что случилось съ ней за день, и пожелала ему спокойной ночи. Затѣмъ она простилась съ нимъ и отправилась къ себѣ спать. Но сонъ не приходилъ къ ней. Она слышала, какъ стали завывать вѣтеръ и какъ заревѣли волны и со злобою стали обрушиваться на берегъ. Въ сосѣдней комнаткѣ сидѣла за прялкой бабушка и часто глубоко вздыхала. И дѣвочкѣ вдругъ такъ захотѣлось, чтобы вмѣстѣ съ ними былъ дома и ея отецъ Бертоло и не разставался съ ними уже больше никогда! Но онъ теперь въ морѣ. Быть можетъ, онъ борется сейчасъ съ волнами, ему тяжело и онъ выбивается изъ силъ!

И Нина потихоньку, чтобы ее не слышала бабушка, слѣзла съ кровати, подошла на цыпочкахъ къ комоду, взяла съ него свою завѣтную раковину и вышла изъ избушки. Море ревѣло. Вѣтеръ подхватилъ ее и понесъ къ берегу.

Она наткнулась въ темнотѣ на камень, удержалась за него и стала вглядываться въ море. Видъ бури испугалъ ее. Она поднесла раковину къ уху и вдругъ среди шума непогоды, услышала едва долетѣвшія до нея слова:—

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Помогите! Спасите! Я тону!

Она узнала голосъ своего отца.

— Папочка, папа! закричала она.—Вернись скорѣе! Я жду тебя! Вернись, вернись!

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! услышала она опять голосъ и снова закричала ему:—

— Вернись! Вернись!

Волны подхватили ея слова и понесли ихъ далеко, далеко,—туда, гдѣ въ роковомъ просторѣ моря боролся за жизнь ея отецъ.

Она постояла еще немного на берегу, волна окатила ее съ ногъ до головы, ей стало холодно и она побрела къ себѣ домой. Такъ-же тихонько, какъ и вышла, она вошла въ избушку, легла въ постель, укрылась съ головой и уснула.

А волны все передавали другъ дружкѣ ея слова: „вернись, вернись“ и докатили ихъ наконецъ до плававшего безъ чувствъ Бертоло. Занималась заря и свинцовое море готовилось встрѣтить восходъ солнца. Пустынное, нелюдимое, море казалось теперь непривѣтливымъ и виноватымъ и медленно катило на себѣ Бертоло. Его волны лизали окоченѣвшее тѣло рыбака

и шептали ему то, что донеслось до нихъ съ далекаго берега:—

— Вернись, вернись!.. Я жду тебя, папа... Вернись!

И въ его ухахъ, точно отдаленное эхо, стали повторяться эти слова:—

— Вернись, вернись, вернись...

Онъ услышалъ ихъ, созналъ ихъ, ему показалось, что это говорила ему дочь,—и онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Нѣтъ, нѣтъ! Прочь малодушіе, прочь усталость, онъ еще будетъ бороться до конца и не отдастся морю живымъ! Онъ знаетъ, что духъ бодръ и если немощна его плоть, то онъ заставитъ ее подчиниться ему и выберется на берегъ! Его дочь на берегу, она сказала ему эти слова, она думаетъ о немъ и, что бы ни случилось, онъ постарается спастись, онъ будетъ жить для нея и уже не разстанется съ нею больше никогда! Впередъ! Впередъ!

Вертоло начинаетъ отчаянно грести руками. Ему свѣтитъ занимающая заря, а тамъ впереди, на противоположной сторонѣ, едва замѣтною полоскою краснѣетъ берегъ. Но что это чернѣетъ между нимъ и этою полосой?

Рыбакъ вглядывается и не вѣрить своимъ глазамъ. Это его

лодка, его „Святая Марчелла!“ Она плыветъ по морю одна и береговымъ вѣтромъ ее несетъ прямо на него.

Онъ удваиваетъ усилія, онъ подплываетъ къ ней, вскарабкивается на нее и, полный благодарности за свое спасеніе, опускается на ней на колѣни. А затѣмъ, помолившись, выплакавъ въ молитвѣ все, что пришлось ему испытать, онъ натягиваетъ уцѣлѣвшій обрывокъ паруса, беретъ за весла, взмахиваетъ ими и плыветъ къ берегу.

Красноватая полоса придвигается все ближе и ближе. Вотъ уже видны береговые камни, вотъ заблѣлись постройки, а вотъ виднѣется уже и его бѣленькая избушка. Около нея стоятъ сосѣди и машутъ ему шапками и платками. У самаго берега стоитъ маленькая дѣвочка и, приложивъ раковину къ уху, весело кричитъ ему:

— Скорѣй, скорѣй!

Это его Нина. Она все еще вѣрить въ голосъ моря и ей кажется, что въ шумѣ раковины она слышитъ отвѣтъ своего отца:

— Я здѣсь, моя дѣвочка! Я живъ и здоровъ! Сейчасъ я вернусь! Я плыву къ тебѣ, чтобы не разставаться съ тобой уже никогда!

Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія двухъ большихъ русскихъ городовъ поставлены рядомъ и, оба вмѣстѣ, состоятъ изъ 11 буквъ.

Буквы 8. 4. 3. 4. 1. 11 означаютъ огородное растеніе, 5. 2. 1. 9. 7. 11—небольшое имѣніе, 8. 3. 9. 10. 11—большое животное, 8. 1. 2. 3. 11—мебель, 8. 4. 5. 4. 7. 11—нѣчто сладкое, 8. 6. 7. 10. 4—горную козу.

Найти эти слова и задуманныя названія городовъ.

II.

Задуманы четыре слова, означающія:

- 1) Названіе библейскаго дерева.
- 2) То, во что зашиваютъ багажъ.
- 3) Животное съ длинными иглами на спинѣ.
- 4) Большое множество людей.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ названіе ягоднаго кустарника. Три послѣдніе слога

этого названія составляютъ то, что для послѣдняго задуманнаго слова дороже всего на свѣтѣ.

III.

Какія два личныя мѣстоименія необходимы при посадкѣ деревьевъ и при постройкѣ заборовъ?

IV.

Задуманы четыре слова, означающія:

- 1) То, безъ чего нельзя двигаться живымъ существамъ.
- 2) Человѣка, не имѣющаго близкихъ родныхъ.
- 3) Жилище многихъ звѣрей.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ названіе музыкальнаго инструмента.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

V.

Если къ тому, что растетъ на лугахъ и чѣмъ питается скотъ, прибавить букву „о“, то получится нѣчто вредное. Что это?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 17 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Деревянное масло. II) Часы. III) Пирожное, Сторожъ, валетъ = пистолетъ. IV) Колоколь, кость = колкость.

Ребусъ № 17. Собаки + п + очи + с + томъ + усъ + нѣ + губы + ст + ротъ + я + нули + сани = Собаки по чистому свѣгу быстро гянуди сани.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Нина, Варя и Тамара изъ Тифлиса, Павликъ и Петя Урбасъ, Варя Избашъ, Фаня и Анюта Тартаковскія, Ва-

ва Федоровъ изъ Минска, Оля, Валя, Аня, Коля и Маня Рѣдькины, А. Шелехова, Оля, Вася и Костя Кудряшова, Лиза, Сеня, Нина, Ваня, Лена, Петя и Картошечка Антоновы, папа Лены, Наташи и Тамары изъ Баку, Юля Эрдманъ, Станиславъ Маркевичъ, Витя Семеновъ, Женя Стрекоза, Коля, Дося и Володя Яковлевы, Сережа Тухканчикъ, Женичка Пель, Любочка Ковалева, Константинъ Филиповскій, Т. Лахтинъ, Леля Соловская, Сурхай-Хосай Гаджиевъ изъ Новой Бухары, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Настя Соколова, Зоичка, Агничка и Котикъ Лавровы, Леля Юргенсъ.

Ребусъ № 19.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Очехъ рекомендуется!
 Книга для дѣтей
„Дружокъ и Томка“.
 Повѣсть съ иллюстраціями.
 Цѣна 40 коп.
 Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала
„Золотое Дѣтство“.
 С.-Петербургъ. Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ
 интересомъ.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)**

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложения: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всеми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.